Научная статья / Research Article
УДК 316.7
DOI: 10.14258/SSI(2026)3–13

Семейные ценности в иерархии жизненных приоритетов молодежи: по результатам регионального исследования

Андрей Валентинович Юдашкин[1], Эльвира Валерьевна Давлетшина[2]

[1]Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия,
ajelers@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-9631-1043

[2]Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия,
ela1991@inbox.ru https://orcid.org/0009-0007-3538-1842

Аннотация. Статья посвящена анализу ценностных ориентаций российской молодежи в контексте традиционных семейных ценностей и ценностей индивидуальной самореализации. На материалах социологического опроса населения Тюменской области (n = 414, возраст 19–35 лет), проведенного в рамках государственного задания «Унификация и разнообразие в пространственном развитии России (социально-экономические и социокультурные процессы)», исследуется иерархия 17 жизненных целей, их возрастная динамика, гендерная и поселенческая дифференциация. Установлено, что семейно-ориентированные цели (воспитание детей, гармоничные отношения в семье, материальное обеспечение) стабильно занимают верхние позиции в ценностной иерархии всех возрастных когорт молодежи (93–100%). Вместе с тем обнаружен выраженный возрастной дрейф: значимость карьеры снижается с 87,5% в группе 19–25 лет до 57,6% в группе 31–35 лет (Δ = –29,9%), а ценность независимости и свободы — с 45,0% до 35,2%. Параллельно растет ориентация на семейное дело (с 30,0 до 40,0%). Выявлены существенные гендерные различия: мужчины в 2,2 раза чаще женщин относят лидерство в семье к значимым целям (60,8 против 28,1%). Зафиксировано снижение социального оптимизма с возрастом на фоне роста скепсиса в отношении эффективности государственной поддержки рождаемости. Делается вывод о том, что ценностный профиль современной российской молодежи представляет собой не конфликт, а последовательную интеграцию индивидуалистических и семейно-ориентированных приоритетов, где этап самореализации предшествует этапу семейной консолидации.

Ключевые слова: ценности, семейные ценности, ценностные ориентации, молодежь, традиционные ценности

Для цитирования: Юдашкин А. В., Давлетшина Э. В. Семейные ценности в иерархии жизненных приоритетов молодежи: по результатам регионального исследования // Society and Security Insights. 2026. Т. 9, № 3. С. 218–231. doi: 10.14258/ssi(2026)3–13

Family Values in the Hierarchy of Youth Life Priorities: Based on Regional Survey Data

Andrey V. Yudashkin[1], Elvira V. Davletshina[2],

[1]Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia,
ajelers@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-9631-1043

[2]Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia,
ela1991@inbox.ru https://orcid.org/0009-0007-3538-1842

Abstract. The article examines the value orientations of Russian youth (aged 19–35, n = 414) in the context of the traditional family values and self-realization, drawing on a 2025 sociological survey conducted in the Tyumen region, carried out within the framework of the state assigned research topic «Unification and Diversity in the Spatial Development of Russia (Socio-Economic and Socio-Cultural Processes)». The analysis of 17 life goals reveals that family-oriented values (child-rearing: 93.0%, harmonious family relations: 96.4%, material provision for the family: 96.4%) consistently occupy top positions across all age cohorts (19–25, 26–30, 31–35). At the same time, a pronounced age-related drift is observed: career importance declines from 87.5% (age 19–25) to 57.6% (age 31–35), while the value of «having a family business» rises from 30.0% to 40.0%. Significant gender differences are identified, most notably in «being a family leader» (males: 60.8%, females: 28.1%). Social optimism declines with age (from 77.3% to 70.9%), accompanied by growing skepticism toward state support for childbearing. The author concludes that the value profile of contemporary Russian youth represents not a conflict but a sequential integration of individualistic and family-oriented priorities, where the self-realization stage precedes family consolidation within the life course.

Keywords: values, family values, value orientations, youth, traditional values

For citation: Yudashkin, A. V., Davletshina, E. V. (2026). Family Values in the Hierarchy of Youth Life Priorities: Based on Regional Survey Data. *Society and Security Insights, 9*(3), 218–231. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2026)3–13

Введение

Ценностные ориентации молодежи на протяжении последних десятилетий являются одним из ключевых направлений социологических исследований, однако в условиях демографических вызовов, стоящих перед российским обществом, они приобретают особую остроту. С одной стороны, государственная семейно-демографическая политика последних лет апеллирует к традиционным ценностям как фундаменту репродуктивного поведения и стабильности института семьи, с другой — процессы социокультурной модернизации, глобализации и цифровизации формируют у молодых поколений установки на индивидуальную самореализацию, профессиональный успех и автономию, которые могут вступать в противоречие с традиционной моделью семейного поведения (Зубок и др., 2020).

«Особое внимание в изучении проблемы ценностей и ценностных ориентаций уделяется такой социальной группе, как молодежь. Интерес к молодежи, как

особой социальной группе, определяющей будущее развитие социума, в рамках социологии актуализировался только в двадцатом веке. Приоритетность изучения ценностей и ценностных ориентаций данной социальной группы обусловлена значимостью молодежи для социума и одновременно большой неопределенностью усвоения норм, традиций, обычаев взаимодействия в обществе вследствие прохождения активного процесса социализации и формирования ценностных ориентаций индивидов и отдельных групп. Проблематика социологии молодежи представлена разными направлениями научных исследований, которые в общем виде можно объединить в рамках изучения различных аспектов ценностной парадигмы данной социальной группы» (Толмачева, Ребышева, Давлетшина, 2024).

В научной литературе сложилось два основных подхода к интерпретации ценностной динамики молодежи. Первый, опирающийся на теорию «ценностного сдвига» Р. Инглхарта (Инглхарт, 2018), фиксирует переход от материалистических ценностей выживания к постматериалистическим ценностям самовыражения, что в семейной сфере проявляется в отложенном родительстве, росте возраста вступления в брак, распространении альтернативных форм семейных отношений. Второй подход, развиваемый в работах российских социологов (А. И. Антонов, В. М. Медков, 1996; А. Г. Вишневский, 2006; А. Б. Синельников, 2008), акцентирует не столько линейный сдвиг, сколько ценностную поляризацию общества и институциональный кризис семьи. При этом молодежь как социально-демографическая группа оказывается наиболее чувствительным индикатором происходящих трансформаций, поскольку именно в молодом возрасте формируются репродуктивные установки и матримониальные стратегии, определяющие демографическое будущее страны (Ростовская, Калиев, 2019).

Особый интерес представляет региональный аспект проблемы. Тюменская область, будучи одним из наиболее экономически развитых регионов России с выраженной урбанистической культурой крупных городов и одновременно сохраняющимися аграрными территориями, представляет собой репрезентативный кейс для изучения, как социокультурная среда опосредует формирование ценностных ориентаций молодежи в сфере семьи и брака.

Цель статьи — выявить структуру и возрастную динамику жизненных приоритетов молодежи Тюменской области в контексте соотношения традиционных семейных ценностей и ценностей индивидуальной самореализации.

Для достижения поставленной цели решались следующие задачи:

1) определить иерархическую структуру жизненных приоритетов молодежи и место семейно-ориентированных ценностей в этой иерархии;

2) установить характер и направленность возрастной динамики ценностных ориентаций в пределах молодежной когорты (19–35 лет);

3) выявить гендерные, поселенческие и религиозные факторы дифференциации ценностных ориентаций;

4) проанализировать взаимосвязь между ценностными приоритетами и репродуктивными установками молодежи.

Методология исследования

Эмпирической базой исследования послужили данные социологического опроса, проведенного в 2025 г. в Тюменской области. Генеральная совокупность — население Тюменской области в возрасте от 19 лет и старше. Общий объем выборки составил 1200 респондентов; для целей настоящего исследования из базы данных выделена подвыборка молодежи в возрасте 19–35 лет (n = 414), распределенная по трем возрастным группам: 19–25 лет (n = 40), 26–30 лет (n = 124), 31–35 лет (n = 250). Выделение указанных возрастных границ опирается на официальное определение молодежи, закрепленное в Федеральном законе № 489-ФЗ (14–35 лет включительно).

Центральным измерительным инструментом выступил вопрос: «Насколько важно для Вас лично…» — с перечнем из 17 жизненных целей и трех градаций ответа («Важно», «Не важно», «Затрудняюсь ответить»). Дополнительно анализировались вопросы о репродуктивных планах, влиянии государственной поддержки на желание иметь нескольких детей, социальном самочувствии и уверенности в будущем семьи. Для выявления дифференцирующих факторов применялся двухмерный анализ с использованием переменных пола, уровня образования, типа населенного пункта и религиозной самоидентификации семьи.

Результаты исследования

Иерархия жизненных приоритетов молодежи: общая структура

Анализ распределения ответов на вопрос о 17 жизненных целях, представленный в таблице 1, позволяет выделить три отчетливых кластера в ценностной иерархии молодежи, а именно «высокоприоритетные цели» (образуют цели, получившие практически консенсусное одобрение — 95–100% ответов «Важно»), «среднеприоритетные цели» (включает цели со средним уровнем значимости — 60–93%) и «периферийные цели» (набравшие менее 60%) (Мохова, 2017).

В первый кластер вошли следующие цели: наличие собственного жилья (98,1%), материальное обеспечение семьи (96,4%), безопасность семьи (97,3%), построение гармоничных отношений в семье (96,4%), поддержание доверительных отношений с детьми (95,7%), уважение к родителям (95,4%). Хочется отметить дифференциацию в данном кластере — важными являются как семейные эмоциональные ценности, так и прагматичные, что отражает необходимость в сознании молодежи материальных ресурсов для создания благополучной семьи.

Во второй кластер вошли воспитание детей (93,0%), интересный досуг (89,1%), высокая заработная плата (92,5%), сохранение родственных отношений (91,1%), образование и повышение квалификации (75,6%), сохранение брака (75,6%), построение карьеры (62,6%).

Как и в более ранних исследованиях, «можно предположить, что продолжающаяся нестабильность в социальных и экономических аспектах как в России, так и за ее пределами может оказать влияние на возрастание значимости таких ценностей, как семья, труд и стабильность наперекор быстрому течению внешних изменений» (Давлетшина, 2024).

В финальный третий кластер включены такие цели, как общение с друзьями (58,5%), независимость и свобода (35,5%), семейное дело (39,1%), лидерство в семье (38,4%). Традиционно ассоциирующиеся с молодежью ценности «независимость и свобода» вошли в низший кластер, что требует уточнения при анализе в разрезе возрастных групп в рамках данной выборки.

Это коррелирует с более ранним исследованием, где было выявлено, «что только 41,5% молодежи выбрали независимость как значимое качество. Считается, что стремление к независимости побуждает молодых людей к необдуманным, нерациональным поступкам, является чуть ли не путеводной звездой молодости. Однако результаты социологического исследования опровергают сложившийся в обществе стереотип восприятия ценностей молодежи. Значительно меньше половины молодых людей считают данное качество значимым: 41% юношей и почти 42% девушек отдали предпочтение независимости. Если рассматривать в возрастном разрезе, то максимально значимой независимость является для молодежи в возрасте 19–25 лет и составляет 48,1%» (Толмачева, Ребышева, Давлетшина, 2024).

Таблица 1
Table 1

Иерархия жизненных целей молодежи 19–35 лет (доля ответов «Важно», %)
Hierarchy of life goals among young people aged 19–35 (share of «Important» responses, %)

Ранг	Жизненная цель	19–25 лет	26–30 лет	31–35 лет	19–35 лет	**Δ, п.п.**
1–2	Иметь собственное хорошее жилье	100,0	97,6	98,0	98,1	**–2,0**
1–2	Обеспечивать семью материально	97,5	97,6	95,6	96,4	**–1,9**
3	Обеспечить безопасность для семьи	95,0	99,2	96,8	97,3	**+1,8**
4	Гармоничные отношения в семье	100,0	96,8	95,6	96,4	**–4,4**
5	Доверительные отношения с детьми	95,0	97,6	94,8	95,7	**–0,2**
6	Уважение к родителям	95,0	96,8	94,8	95,4	**–0,2**
7	Вырастить ребенка (детей)	87,5	94,4	93,2	93,0	**+5,7**
8	Высокая заработная плата	92,5	96,8	90,4	92,5	**–2,1**
9	Сохранить родственные отношения	95,0	91,1	90,4	91,1	**–4,6**
10	Интересно проводить досуг	92,5	91,1	87,6	89,1	**–4,9**
11	Образование, повышение квалификации	80,0	74,2	75,6	75,6	**–4,4**

Окончание таблицы 1

12	Сохранить брак	75,0	74,2	76,4	75,6	**+1,4**
13	Построить карьеру	87,5	64,5	57,6	62,6	**–29,9**
14	Общаться с друзьями	67,5	52,4	60,0	58,5	**–7,5**
15	Иметь семейное дело	30,0	40,3	40,0	39,1	**+10,0**
16	Быть лидером в семье	37,5	33,1	41,2	38,4	**+3,7**
17	Быть свободным, независимым	45,0	33,1	35,2	35,5	**–9,8**

Примечание: разность процентных пунктов между группами 19–25 и 31–35 лет.

Возрастная динамика ценностных ориентаций: от карьеры к семье

Сопоставление трех возрастных групп позволило обнаружить следующую зависимость: чем старше респондент, тем больше для него значимы семейно-ориентированные традиционные ценности. Наиболее значимое снижение демонстрирует ценность «построить карьеру»: с 87,5% в группе 19–25 лет до 57,6% в группе 31–35 лет. Менее выраженное снижение можно отметить для ценностей «быть свободным и независимым» (–9,8 п.п.), «много общаться с друзьями» (–7,5 п.п.), «интересно проводить досуг» (–4,9 п.п.).

Обратную зависимость можно увидеть в динамике ценностей «иметь семейное дело»: прирост с 30,0 до 40,0% (+10,0 п.п.) и «вырастить ребенка»: с 87,5 до 93,2% (+5,7 п.п.). Показательна также динамика «быть лидером в семье»: после некоторого снижения в средней группе (33,1%) он восстанавливается и даже превышает исходный уровень в старшей (41,2% против 37,5%), что может интерпретироваться как актуализация роли главы семьи на этапе активного родительства.

Принципиально важно, что высокоприоритетные ценности (жилье, материальное обеспечение, безопасность, гармоничные отношения) демонстрируют минимальную вариативность и не опускаются ниже 95% ни в одной из возрастных групп. Это свидетельствует о том, что возрастная динамика затрагивает не базовые семейные ценности как таковые, а скорее соотношение между ними и ценностями самореализации в общей структуре приоритетов. Пользуясь терминологией теории поколений и ценностного сдвига, можно говорить не о вытеснении семейных ценностей индивидуалистическими, а об их временной секвентации: самореализация и карьера воспринимаются как задачи ранней молодости, создающие ресурсную базу для последующей семейной консолидации.

Этот тезис подтверждается и данными о репродуктивных планах, представленными в таблице 2. В младшей возрастной группе 28,7% планируют рождение двух детей, 10,0% — трех и более, при этом 30,0% выбирают вариант «как получится», что отражает более гибкую планируемую репродуктивную стратегию. Возрастная группа 31–35 лет чаще всего имеет реализованный репродуктивный план, поэтому доминирует ответ «нет, не планируем» (60,5%), а доля планирующих рождение детей сокращается до 14,4%

Таблица 2
Table 2

Репродуктивные планы молодежи по возрастным группам (процент по столбцу)

Reproductive plans of young people by age group (% by column)

Репродуктивный план	19–25 лет	26–30 лет	31–35 лет
Да, одного	18,8	17,7	6,7
Да, двух	28,7	10,7	4,0
Да, трех и более	10,0	3,7	3,7
Нет, не планируем	12,5	37,4	60,5
Как получится	30,0	30,5	25,1

Гендерные, поселенческие и религиозные факторы дифференциации

Рассматривая результаты исследования в гендерном разрезе, можно отметить как сходство, так и отличия в ценностных установках.

В ценностях первого кластера гендерные различия минимальны (в пределах 1–2 п.п.). Наиболее выраженный гендерный разрыв зафиксирован по позиции «быть лидером в семье»: 60,8% мужчин против 28,1% женщин (Δ = 32,7 п.п., соотношение 2,2:1). Данный результат может интерпретироваться и как сохранение традиционной модели распределения семейных ролей, предполагающей мужское лидерство, и как отражение различного понимания самой категории «лидерство» мужчинами и женщинами.

Второй по величине разрыв, хотя и существенно меньший, относится к «иметь семейное дело»: мужчины — 46,4%, женщины — 36,5% (Δ = 9,9 п.п.). Женщины, в свою очередь, значимо чаще мужчин отмечают «интересно проводить досуг» (88,6 против 80,0%) и «вырастить ребенка (детей)» (95,9% против 89,6%). Последнее различие в 6,3 п.п. согласуется с данными других исследований, фиксирующих более высокую значимость родительства для женской идентичности (Гурко, 2019). Примечательно, что по показателю «сохранить брак для рождения и воспитания детей» мужчины несколько опережают женщин (81,6% против 75,1%), что может отражать более традиционалистские матримониальные установки мужской части молодежной выборки.

В поселенческом анализе, представленном в таблице 4, ценность «сохранить брак для рождения и воспитания детей» максимальна в центральных селах (87,7%), при этом в периферийных селах опускается до минимального значения (66,0%). Ценность «вырастить ребенка» также минимальна в периферийных селах (89,6%). Данные результаты не соответствуют общепринятому представлению о более высокой значимости традиционных ценностей в сельской местности, нежели в городской, так как показатель в периферийных селах ниже, чем в городах.

Наиболее ярко карьерные амбиции проявляются в центральных селах (63,2%) и малых городах (60,0%), тогда как их уровень минимален в периферий-

ных селах (44,3%). Эта динамика может свидетельствовать как о реальных ограничениях на рынке труда, так и о применении адаптивных стратегий ценностей.

Таблица 3
Table 3

Гендерные различия в значимости жизненных целей (процент ответов «Важно»)
Gender differences in the importance of life goals (proportion of «Important» responses,%)

Жизненная цель	Мужчины (n = 70)	Женщины (n = 344)	Δ, п.п.
Быть лидером в семье	60,8	28,1	+32,7
Иметь семейное дело	46,4	36,5	+9,9
Интересно проводить досуг	80,0	88,6	–8,6
Вырастить ребенка (детей)	89,6	95,9	–6,3
Сохранить брак	81,6	75,1	+6,5
Быть свободным, независимым	38,4	33,5	+4,9
Много общаться с друзьями	58,4	53,6	+4,8
Построить карьеру	59,2	55,8	+3,4

Таблица 4
Table 4

Жизненные цели молодежи по типам поселений (процент ответов «Важно»)
Life goals of young people by type of settlement (% answering «Important»)

Цель	Большой город	Средний город	Малый город	Центр. село	Периф. село
Вырастить ребенка	94,8	97,5	96,2	95,6	89,6
Сохранить брак	75,0	81,2	67,5	87,7	66,0
Построить карьеру	58,0	53,8	60,0	63,2	44,3
Быть независимым	31,9	33,1	37,5	41,2	34,0

Идентифицирующие себя как «верующие» семьи демонстрируют более высокую значимость таких ценностей, как «воспитание детей» и «сохранение брака», по сравнению с семьями, не исповедующими религию. Среди респондентов, идентифицирующих свою семью как «верующую», 98,0% относят «вырастить ребенка» к важным целям, в то время как среди неверующих этот показатель составляет 86,4%. Похожая картина наблюдается в отношении сохранения брака: 80,5% верующих против 62,7% неверующих. Однако по таким категориям, как карьера и независимость, религиозный фактор практически не влияет на ответы (разброс не превышает 5–7 п.п.), что указывает на избирательность воздействия религиозности: она затрагивает прежде всего сферы, связанные с религиозными нормами (брак, деторождение), а не универсальные жизненные стратегии.

Ценностные приоритеты и репродуктивные установки: взаимосвязи и парадоксы

Анализ соответствия заявленных ценностей и данных о репродуктивных установках и практиках открывает ряд противоречий, нуждающихся в интерпретации.

Во-первых, по результатам исследования выявлен существенный разрыв между идеальным представлением и действительностью: подавляющее большинство респондентов (в среднем 93%) считают «воспитание детей» крайне важным, а модель двух- или трехдетной семьи является предпочтительной для 79–87% участников в разных возрастных когортах, реальное количество детей существенно ниже. Так, в возрастной группе молодежи 31–35 лет лишь 24,8% воспитывают троих и более детей, а 21,0% имеют одного ребенка. Данный разрыв между ценностным идеалом и демографической реальностью является устойчивой характеристикой российского общества (Вишневский, 2006; Захаров, 2023) и свидетельствует о наличии структурных барьеров, мешающих осуществлению репродуктивных планов.

Во-вторых, корреляция между возрастом и оценкой эффективности господдержки демонстрирует противоречивую тенденцию — с возрастом, когда потребность в поддержке семьи объективно возрастает, уверенность в ее действенности уменьшается. Доля респондентов, полагающих, что поддержка «да, сильно повлияет», снижается с 31,5% в младшей группе до 24,3% в старшей возрастной группе, тогда как процент скептиков («нет, не повлияет») увеличивается с 22,2% до 34,6%.

Параллельно наблюдается снижение социального оптимизма: доля тех, кто «вполне уверен» в будущем семьи, уменьшается с 77,3% до 70,9%, в то время как доля тех, кто связывает неопределенность с «ситуацией в обществе», увеличивается с 15,3% до 20,9%.

В-третьих, отношение к движению «чайлдфри» демонстрирует, что степень осуждения сознательного отказа от деторождения возрастает с годами: от 9,4% среди молодежи 19–25 лет до 24,3% в возрастной группе 26–30 лет, после чего показатель стабилизируется на отметке 22,5% для людей 31–35 лет.

При этом доминирующей реакцией во всех возрастных группах остается безразличие (57–70%), что может свидетельствовать о нормализации «чайлдфри» как одного из допустимых жизненных сценариев в молодежной среде, несмотря на официальный дискурс традиционных ценностей.

Наконец, анализ представлений о жизненном успехе показывает, что в молодежном сознании «создание семьи и рождение детей» (67,1%) находится в одном ряду с «материальным благополучием» (72,2%) и «жизнью, наполненной яркими впечатлениями» (55,6%). При этом «наличие большого количества детей» как самостоятельная ценность набирает лишь 5,0%, а «достижения моих детей» — 33,8%. Иными словами, семья важна как таковая, а не как инструмент демографического воспроизводства или статусного потребления. Показательно и то, что 70,2% респондентов убеждены: «успех не зависит от количества детей», что свидетельствует о деактуализации многодетности как социальной нормы.

Таблица 5
Table 5

Оценка господдержки и уверенность в будущем семьи по возрастным группам, %

Assessment of state support and family confidence in the future by age group, %

Показатель	Вариант ответа	19–25 лет	26–30 лет	31–35 лет
Влияние господдержки на желание иметь нескольких детей	Да, сильно повлияет	31,5	33,3	24,3
	Повлияет незначительно	35,2	23,9	24,0
	Нет, не повлияет	22,2	28,4	34,6
	Трудно сказать	11,1	14,4	17,1
Уверенность в будущем семьи	Вполне уверен(а)	77,3	70,3	70,9
	Зависит от ситуации в обществе	15,3	20,7	20,9
	Зависит от близкого окружения	2,5	4,1	4,4
	Не уверен(а) / хуже	4,9	4,9	3,9

Обсуждение результатов

Полученные результаты позволяют предложить ряд обобщений, значимых как для социологии культуры, так и для семейной политики.

Первое. Ценностная иерархия современной российской молодежи характеризуется устойчивым доминированием семейно-ориентированных целей (жилье, материальное обеспечение семьи, безопасность, гармоничные отношения, воспитание детей) над индивидуалистическими (карьера, независимость, досуг). Этот результат противоречит алармистским нарративам о «кризисе семьи» и «отказе молодежи от традиционных ценностей», однако требует уточнения: высокие показатели по шкале «Важно» могут отражать не столько реальную поведенческую приверженность, сколько социально одобряемые декларации (Магун, Руднев, 2000). Об этом, в частности, свидетельствует упомянутый выше разрыв между идеальным и фактическим числом детей.

Второе. Возрастная динамика ценностных ориентаций описывается не логикой конфликта (традиция против модерна), а логикой жизненного цикла: индивидуалистические цели (карьера, свобода) доминируют на этапе ранней молодости, тогда как семейные — на этапе зрелой молодости. Данный паттерн согласуется с концепцией «возрастной стратификации ценностей» (Лисовский, 2000) и отчасти с теорией Р. Инглхарта о ценностном сдвиге (Инглхарт, 2018), поскольку младшие когорты действительно демонстрируют более высокие показатели «ценностей самовыражения». Однако, в отличие от предсказаний теории постматериализма, это не приводит к отказу от семейных ценностей, а лишь к их временно́му переструктурированию.

Третье. Анализ гендерного распределения ценностных ориентаций выявляет выраженную асимметрию, которая наиболее отчетливо прослеживается в показателе «лидерство в семье» (разница в пользу мужчин составляет 32,7 п.п.).

Хотя данное расхождение можно трактовать как отражение устойчивой традиционной гендерной парадигмы, к такому выводу следует подходить с осторожностью. Существенный перекос в соотношении участников (70 мужчин против 344 женщин) снижает достоверность полученных гендерных сравнений и указывает на необходимость дальнейших исследований на сбалансированных выборках.

Четвертое. Обнаруженный парадокс — рост скепсиса в отношении эффективности государственной поддержки семьи при одновременном сохранении высокой значимости семейных ценностей — ставит вопрос о механизмах, реально детерминирующих репродуктивные решения. Если материальные стимулы воспринимаются как недостаточные или нерелевантные, а ценностная мотивация остается высокой, то «узким местом» могут выступать институциональные условия (доступность жилья, качество медицинского обслуживания, инфраструктура для воспитания детей), а также социокультурные факторы — изменение нормативных представлений о возрасте деторождения и количестве детей в семье (Клупт, 2024).

Пятое. С точки зрения социологии культуры полученные данные иллюстрируют более общий процесс трансформации ценностного сознания в обществах позднего модерна: традиционные ценности не исчезают, а встраиваются в новую, более сложную и индивидуализированную систему жизненных координат. Семья перестает быть императивом и становится проектом — результатом осознанного выбора, который индивид совершает, сообразуясь с личными ресурсами, карьерными планами и представлениями о качестве жизни (Бек, 2000). Именно этим, на наш взгляд, объясняется сочетание высокой ценностной значимости семьи с отложенным и осторожным репродуктивным поведением.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы, соотнесенные с поставленными исследовательскими задачами.

1. Иерархическая структура жизненных приоритетов молодежи Тюменской области характеризуется безусловным лидерством семейно-ориентированных ценностей: материальное обеспечение семьи (96,4%), безопасность близких (97,3%), гармоничные отношения (96,4%), воспитание детей (93%). Указанные ценности образуют «ядро», слабо зависящее от возраста, пола и типа поселения. Индивидуалистические ценности (карьера — 62,6%, независимость — 35,5%) занимают подчиненное положение, располагаясь на «периферии» ценностной иерархии.

2. Возрастная динамика ценностей носит характер жизненно-циклической секвентации: этап самореализации и карьерного строительства сменяется этапом семейной консолидации. Данный паттерн не может быть описан в терминах линейного ценностного сдвига или конфликта поколений — речь идет о временной организации жизненного пути, в котором карьерные и семейные цели не противостоят, а дополняют друг друга на разных этапах молодости.

3. Выявлены значимые факторы дифференциации ценностных ориентаций: гендерный (наиболее выражен по «лидерству в семье»: М = 60,8%, Ж = 28,1%), по-

селенческий (периферийные села демонстрируют наименьшую значимость как семейных, так и карьерных целей, что может указывать на депривационную ценностную стратегию), религиозный (последовательный градиент: верующие выше оценивают значимость деторождения и сохранения брака). При этом универсальность «ядерных» семейных ценностей сохраняется вне зависимости от указанных факторов.

4. Зафиксирован устойчивый разрыв между высокой ценностной значимостью деторождения и реальным репродуктивным поведением: при 93,0% отметивших «важность» воспитания детей лишь 24,8% старшей возрастной группы имеют трех и более детей. Рост скепсиса в отношении государственной поддержки рождаемости (с 22,2% до 34,6% ответов «не повлияет») на фоне снижения социального оптимизма (с 77,3% до 70,9%) указывает на наличие институциональных и социокультурных барьеров реализации репродуктивных намерений, требующих дальнейшего междисциплинарного изучения.

5. В теоретическом плане ценностный профиль современной российской молодежи может быть охарактеризован как «неотрадиционализм» — интеграция традиционных семейных ценностей в индивидуализированную жизненную стратегию, где семья выступает не как предписанная норма, а как осознанный личный проект. Данная модель отражает общую логику трансформации ценностного сознания в обществах позднего модерна и открывает перспективы для дальнейших сравнительных исследований на межрегиональном уровне.

Ограничения исследования связаны с относительно малым размером младшей возрастной подгруппы (n = 40), гендерным дисбалансом выборки и региональной локализацией, что ограничивает экстраполяцию выводов на генеральную совокупность российской молодежи в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Антонов А. И., Медков В. М. Социология семьи. М.: Изд–во МГУ; Изд–во Международного университета бизнеса и управления, 1996. 304 с.

Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну / пер. с нем. М.: Прогресс–Традиция, 2000. 384 с.

Вишневский А. Г. Демографическая модернизация России: 1900–2000. М.: Новое издательство, 2006. 608 с.

Гурко Т. А. Представления студентов в отношении родительства и социальных ролей мужчин и женщин // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7, № 2. С. 65–80. DOI 10.19181/snsp.2019.7.2.6410

Давлетшина Э. В. Изучение актуальных ценностей молодежи России // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2024. Т. 15, № 4. DOI 10.15862/33SCSK424

Захаров С. В. История рождаемости в России: от поколения к поколению // Демографическое обозрение. 2023. № 1.

Зубок Ю. А., Чупров В. И., Сорокин О. В., Любутов А. С. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи в изменяющейся социальной реальности // I Российско–

Иранский социологический форум: Сборник тезисов докладов. М.: ПЕРСПЕКТИВА, 2020. С. 259–271.

Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М. : Мысль, 2018. 464 с.

Клупт М. А. Современные демографические и экономические процессы в России: статистический анализ взаимосвязи // Вопросы статистики. 2024. Т. 31, № 5. С. 57–67.

Лисовский В. Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России. СПб. : СПбГУП, 2000. 519 с.

Магун В. С., Руднев М. Г. Базовые ценности россиян в европейском контексте // Общественные науки и современность. 2010. № 3. С. 5–22.

Мохова С. Ю. Иерархия в системе жизненных целей у представителей x, y и Z–поколений // Мир науки. Педагогика и психология. 2017. № 2.

Ростовская, Т. К., Калиев Т. Б. Ценностные ориентиры современной молодежи: особенности и тенденции: монография. М. : Русайнс, 2019. 228 с.

Синельников А. Б. Трансформация семьи и развитие общества. М. : КДУ, 2008. 320 с.

Толмачева С. В., Ребышева Л. В., Давлетшина Э.В. Ценностные ориентации молодежи: по результатам социологического исследования // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2024. Т. 17, № 4. С. 127–138. DOI 10.31660/1993–1824–2024–4–127–138.

REFERENCES

Antonov, A. I., & Medkov, V. M. (1996). *Sociology of the family*. Moscow: Izd–vo MGU; Izd–vo Mezhdunarodnogo universiteta biznesa i upravleniya. (In Russ.)

Beck, U. (2000). *Risk society: Towards another modernity* (V. Sedelnik & N. Fedorova, Trans.). Moscow: Progress–Tradiciya. (In Russ.)

Vishnevsky, A. G. (2006). *Demographic modernization of Russia: 1900–2000*. Moscow: Novoe Izdatel'stvo. (In Russ.)

Gurko, T. A. (2019). Students' perceptions of parenthood and the social roles of men and women. *Sociological science and social practice, 7*(2), 65–80. (In Russ.). doi.org/10.19181/snsp.2019.7.2.6410

Davletshina, E. V. (2024). Studying the current values of Russian youth. *World of Science: Sociology, Philology, Cultural Studies, 15*(4). (In Russ.). doi.org/10.15862/33SCSK424

Zakharov, S. V. (2023). The history of fertility in Russia: From generation to generation. *Demographic Review*, (1). (In Russ.)

Zubok, Yu. A., Chuprov, V. I., Sorokin, O. V., & Lyubutov, A. S. (2020). Self–regulation of youth life activity in a changing social reality. In *I Russian–Iranian Sociological Forum: Collection of abstracts* (pp. 259–271). Moscow: PERSPEKTIVA. (In Russ.).

Inglehart, R. (2018). *Cultural evolution: How human motivations change and how this changes the world*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)

Klupt, M. A. (2024). Contemporary demographic and economic processes in Russia: A statistical analysis of their relationship. *Statistical Issues, 31*(5), 57–67. (In Russ.)

Lisovsky, V. T. (2000). *The spiritual world and value orientations of Russian youth*. St. Petersburg: SPbGUP. (In Russ.)

Magun, V. S., & Rudnev, M. G. (2010). Basic values of Russians in the European context. *Social Sciences and Contemporary World*, *3*, 5–22.

Mokhova, S. Yu. (2017). Hierarchy in the system of life goals among representatives of Generations X, Y, and Z. *Mir nauki. Pedagogika i psihologiya*, (2). (In Russ.)

Rostovskaya, T. K., & Kaliev, T. B. (2019). *Value orientations of contemporary youth: Characteristics and trends: monograph*. Moscow: Rusajns. (In Russ.)

Sinelnikov, A. B. (2008). *Transformation of the family and the development of society*. Moscow: KDU. (In Russ.)

Tolmacheva, S. V., Rebysheva, L. V., & Davletshina, E. V. (2024). Value orientations of youth: based on the results of a sociological study. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*. 2024;17(4):127–138. doi.org/10.31660/1993–1824–2024–4–127–138 (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Андрей Валентинович Юдашкин — младший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия.

Andrey V. Yudashkin, Junior Research Fellow, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS), Moscow, Russia.

Эльвира Валерьевна Давлетшина — аспирант, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, Россия.

Elvira V. Davletshina, PhD student, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia.

Статья поступила в редакцию 12.08.2026;
одобрена после рецензирования 11.09.2026;
принята к публикации 11.09.2026.
The article was submitted 12.08.2026;
approved after reviewing 11.09.2026;
accepted for publication 11.09.2026.